

ватную слепую пелену, на боевом развороте облегла винт и опять в пике. Группа уже отбомбилась – доты пылали, там упруго вспухало белым дымом, трепетало живое пламя – дорога пехоте открыта, сейчас наши ринутся в прорыв! И опять огненные струи, частые строчки свиваются в жгуты, Катя летела навстречу зенитной батарее – и опять ушли бомбы – и опять перегрузка. Очнулась – наших никого. В бреющем полёте ускользнула, оторвалась от зениток. Но каждую секунду из темноты могут выскочить истребители, а она одна в ставшем враждебным когда-то русском небе! Самолёт с надсадным воем двигателя врезался, ввинтился в облака. Развернулась в сторону аэродрома, взяла курс по компасу.

– Сашка, ты живой?

– Жив, Катя!

Проверила по приборам: как там с системой питания и управления, не повредил ли чего снаряд. Мотор работал ровно во всех режимах, но летишь, как с завязанными глазами. Наконец, пора! Вынырнула из облака к земле, сориентировалась, вычислила аэродром. С разворотом против ветра на посадку – одна нога шасси не выходит! Давит – и никак! И это в первом же бою! Голове стало тесно в шлемофоне, и пот хлынул по спине. И так и этак – не слушается железная нога. Давление на нуле. Попыталась справиться механическим путём, без гидравлики... нет! На одной ноге не сядешь. Катастрофа... Что делать? Убрать шасси – хватит ли напора? Выжала реверс – ушла нога. Ну, спаси, сохрани. Оставалось одно – лечь на фюзеляж. Снег мягче, чем грунт. Но ведь и ночь! Как подгадать? Взвилась красная ракета, но это не запрет, а разрешение. В мыслях ветерком пролетела молитва. Выключила зажигание, перекрыла бензин, чтоб не вспыхнуть. Пошла на снижение. Налетает лес! Ближе, ближе! Удар! Треск – ещё удар, подкос и длинное скольжение, как на салазках с горы – занесло, выкинуло с полосы на целик, снег девятым валом накрыл кабину, треск – и оглушающая тишина. Во рту вкус меди – прокусила губу насквозь.

– Жив, Саша?

– Вашей молитвой, Катерина Ивановна, – прошелестело в трубу.

Открыла подвижную часть фонаря. К самолёту бежали. Странно замедленно. Механики. Сколько им работы..., точно как в пословице: «Прилетели, мягко сели, приготовьте запчастя: элероны, верх турели, фюзеляж и плоскостя!»

Выбралась наружу. Ухнула в снег почти до подмышек. Брела к утоптанной взлётной полосе, отстёгивая на ходу лямки парашюта. Ноги дрожали, хотелось крикнуть: «Товарищи!» – и не могла. Обессилев, села. Подбежали, помогли подняться.

– Цела, Катя?! – техник «Глумота». Обняла его и поцеловала. Когда-то в минуту раздражения за оплошность обложила таким ругательством, а оно и приклеилось.

Самолёт уже осматривали: считали пробоины.

Подошёл командир эскадрильи. Катюша бросила ладонь к шлему, доложила о прибытии. Сухо поздравил с первым вылетом. Выслушал доклад. Покосился на повреждённую машину, велел явиться к разбору полётов.

Подошёл напарник, пожал руку, сказал, что один дот, конечно же, её, и что батарею накрыла ювелирно. Техники вздыхали, однако заверили, что через пару дней аппарат будет как новенький.

Известно, каждый вылет для военного лётчика – экзамен. На разборе разложили операцию по косточкам, но высказали только одну серьёзную претензию: почему бросила ведущего? Объяснила это попаданием снаряда. А если подумать, то, в общем-то, ещё неизвестно, кто кого бросил...

– Да, Зеленко, в рубашке ты родилась, – согласился комполка. – Можешь считать сегодняшний вылет не только первым боевым, но и вторым днём рождения. Не каждый мужик поведёт себя так в первом бою. Объявляю благодарность!

– Служу Советскому Союзу! – выговорила побелевшими губами.

* * *

Советский Союз «за агрессию» исключили из Лиги Наций. Обложили ещё большей изоляцией со всех сторон. Однако страна праздновала победу! Поехали в Кремль получать ордена. Катя уж бывала в столице, выступала на спартакиаде, но опять удивлялась с другими провинциалами величию Москвы. Правда, теперь уже не бегали, как прежде, а ходили солидными группами, фотографировались у царь-колокола и царь-пушки.

Само награждение – в величественном, по-царски роскошном Георгиевском зале. Фотографировались с Председателем Верховного Совета. Калинин, щекоча усами ухо, говорил комплименты, просил сесть поближе. Потом банкет, выступление артистов, танцы – и не было отбою от кавалеров! Катюша оказалась вдруг для всех более интересной, чем артистка Серова! Певица Русланова устала раз за разом повторять «Катюшу». И самой ей уж казалось: оттолкнись пошибче от паркета и взлетишь, как птичка к потолку! И, наконец, возвращение в Харьков! С краткой остановкой в родном Курске. Опять цветы, речи, восторженные лица девчонок и мальчишек! И опять застучали колёса, и пел бархатистым басом паровоз. Публика в ресторане смотрела с изумлением – так-то шла ей военная форма, красил непривычно весомый, с бордовой эмалью орден Боевого Красного Знамени. Это в двадцать-то три года! Прекрасная, известная на всю страну военная лётчица! Орденоносная Катя Зеленко! А жизнь-то ещё только в самом начале. Надо верить своей мечте, много трудиться и смело идти через преграды.

В ресторане поднимали бокалы за Родину, за победу, за красных воздухоплавателей, за товарища Сталина...

ЛЕГЕНДАРНАЯ
ЛЁТЧИЦА
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ
ЕКАТЕРИНА
ЗЕЛЕНКО